

30. Субботин М.М. Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж. Деррида) // *Вопр. философии*. 1993. № 3.

31. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007.

32. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009.

33. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // *Стил* 2007. URL: www.rastko.rs/cms/files/books/49e590dc8ea68.

34. Чилингир Е.Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект. URL: http://rosnou.ru/pub/01Alexandra/News-makers/gtiiiya/Chilingir_E_Yu.pdf.

35. Эпштейн В.Л. Гипертекст – новая парадигма информатики // *Автоматика и телемеханика*. 1991. № 11.

36. Allen G. *Intertextuality*. L.: Routledge, 2000.

37. Delaney P., Landow G. P. *Hypermedia and Literary Studies*, MIT Press, Cambridge MA and London, 1991.

38. Landow G.P. *Hyper/Text/Theory*. Johns Hopkins University Press, Baltimore MD and London, 1994.

39. Nelson T.N. A file structure for the complex, the changing, and the indeterminate // *ACM 20th National Conference – Proceedings*. Cleveland, Ohio, 1965.

40. Nelson T.N. As we we will think in Online 72 // *Proceedings of the International Conference on Online Interactive Computing*. Uxbridge, UK: Online Computer Systems Ltd., 1983.

Г.В. БОБРОВСКАЯ
(Волгоград)

**ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТА
В ПУБЛИЦИСТИКЕ: ГАЗЕТНЫЙ
ТЕКСТ VS ТЕКСТ-ИСТОЧНИК,
ЭКСПРЕССИЯ VS СТАНДАРТ***

Категория интертекстуальности исследуется на примере современной российской газетной публицистики. Выявляется лингвокреативный потенциал приема использования фрагментов прецедентных текстов, описываются типы смысловой связи заимствующего текста и текста-источника. Показаны парадоксальные особенности межтекстового взаимодействия, связанные с использованием фигур интертекста в качестве элокутивных констант публицистического дискурса.

Ключевые слова: газетный текст, фигуры интертекста, прецедентный текст, публицистика, элокуция.

Фигуры интертекста (интертекстовые фигуры, фигуры интертекстуальной речи) представляют собой такие способы элокутивной организации, механизмы которых заключаются в объективации межтекстовых (иначе говоря, интертекстуальных) связей. Трактовка фигур речи как прагматически заданных способов экспрессивизации текста обуславливает возможность рассматривать фигуры интертекста как разновидность фигур выразительной речи, чрезвычайно популярную в современной российской газетной публицистике.

Публицистические тексты отличает многообразие используемых способов ассоциативных отсылок к другим текстам: от включения прецедентных высказываний в неизменном виде до использования в качестве «строительного элемента» публицистического текста структурных и семантических трансформаций текста-источника. Прием использования фрагментов прецедентных текстов служит базой для нескольких фигур интертекста, получивших различные наименования в лингвистических работах. При этом исследователи, вкладывая различное содержание в такие термины, как «цитация», «аллюзия», «реминисценция» и др., сходятся в выделении основных типов фигур интертекста. Так,

***New era of intertextuality:
globalization of intertext connections
in the age of the Internet***

There is considered a number of manifestations of the category of intertextuality on the Internet: formation of the global intertext continuum, quick growth of the level of text openness, dialogic interchanges of the texts by the scheme "stimulus – reaction". There are analyzed various interpretations of the term "hypertext", characterized the electronic hypertext as the immanent property of the Internet environment.

Key words: intertextuality, hypertextuality, Internet communication, electronic hypertext, intertext connections, dialogic interchange of the text.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов».

Г.Я. Солганик говорит о цитировании как введении чужого текста в неизменном виде с иллюстративной или аргументирующей целью; реминисценции, рассчитанной на ассоциативное восприятие, и инкрустации, при которой «используется лишь художественная, экспрессивная энергия известных слов, которые часто резко меняют свой облик, попадая в новое контекстуальное окружение» [6, с. 335]. В.П. Москвин разделяет цитирование (воспроизведение с указанием на первоисточник), аппликацию (вставку фрагмента прецедентного текста без указания на первоисточник), парафраз (перифразирование прецедентного высказывания), аллюзию (подчеркнуто фрагментарно выраженный намек на прецедентный текст) [4, с. 209–227].

Очевидно, что дословное или видоизмененное воспроизведение прецедентного высказывания, а также ассоциативная отсылка к прецедентному тексту либо событию демонстрируют определенные типы смысловой связи заимствующего текста и текста-источника. Как было показано нами ранее, по степени смысловой связи с опорным текстом использование фрагментов прецедентных текстов принимает следующие формы: соответствие, частичное совпадение (в таких разновидностях, как дополнение и уточнение), контрастирование [1]. Накопление фактического материала позволило выявить тенденции в использовании данных типов и выдвинуть предположения относительно корреляции конкретных фигур интертекста и смысловых импровизаций.

Соответствие как фактическое дублирование содержательно-смысловой структуры интертекстемы представлено в авторской картотеке 562 примерами. К примеру, сохранение «ядра» прецедентного высказывания, ключевого фрагмента текста-источника прослеживается в следующих публицистических микроконтекстах: *Она написала убийство. Библиотекарь села Ягодное пишет детективы о столичной жизни* (Аргументы и факты – Нижнее Поволжье. 2007. № 20. С. 19); *Отвечать на обиды нужно по мере накопления сил, не предаваясь излишней браваде и головокружению от успехов* (Аргументы и факты. 2008. № 37. С. 7). Преобладающими способами реализации смысловой связи по типу соответствия оказываются цитирование и аппликация. Вместе с тем соответствие не исключает и возможности использования парафраза: *От белоснежной улыбки станет всем светлей. Улыбка малыша растопит сердце самого строгого взрослого* (Аргументы и факты – Нижнее Поволжье. 2006. № 49. С. 6).

Частичное совпадение интертекстемы и заимствующего текста отмечено в 893 микроконтекстах. В качестве примеров приведем обыгрывание исходного структурно-семантического каркаса в следующих газетных заголовках: *Премьер-министра век недолог* (Аргументы и факты. 2007. №40. С. 38); *С песней о жизни. Волгоград посетили Александра Пахмутова и Николай Добронравов* (Моск. комсомолец в Волгограде. 2008. № 25. С. 20); *Село Куршевелово и его обитатели. Наш корреспондент передает со склонов французских Альп: январь на знаменитом курорте – по-прежнему русский* (Нов. газ. 2009. № 9. С. 5).

По нашим наблюдениям, в одних случаях частичное совпадение предполагает смысловое развитие интертекстемы, обусловленное предметной основой газетного текста. Ср.: *Квартирный вопрос, похоже, испортил в первую очередь строителей. В Москве по-прежнему сдается в эксплуатацию меньше квартир, чем нужно для удовлетворения спроса платежеспособного населения* (Моск. комсомолец. 2009. № 12. С. 3); *Дачник дачника видит издалека* (Моск. комсомолец. 2007. № 14. С. 11).

В данном отношении представляется важным, что частичное совпадение по типу дополнения выражается не только в парафразе, но также в цитатном и аппликативном использовании: *Шествие называлось «Марш против подлецов». И здесь тоже характерная эволюция – от «жуликов и воров» к «подлецам». Из Иосифа Бродского известно, что «ворюга мне милей, чем кровопийца». Но оказалось, что они стоят рядом, и одно свойство в наших северных широтах совпадает с другим* (Нов. газ. 2013. № 3. С. 2); *Монополия живет всех живых* (Моск. комсомолец. 2007. № 14. С. 14). В приведенных микроконтекстах цитата и аппликация способствуют емкому выражению социальной оценочности. Ср. также использование литературных цитат для характеристики предмета публицистической речи в газетной кинокритике: *Так или иначе, фильм Райта – всего лишь одна из более чем 30 экранизаций, а значит, очередное признание в любви к «роману, где разбиваются сердца». Сего лишь продолжение незатихающего диспута о странностях любви, в которой Левин по-прежнему настаивает на том, что «страсть ради страсти – убивает истинные чувства», а Анна вновь забывает ради любви обо всех приличиях. В общем, как говорил в своем неутраченном романе Лев Толстой: «Если сколько голов – столько умов,*

то сколько сердец – столько родов любви» (Нов. газ. 2013. № 3. С. 21); *Если не весь мир, то весь высший свет, по Толстому (который, кстати, не любил подмоетков), – точно театр, где всем персонажам строго предписаны свои роли* (Нов. газ. 2013. № 3. С. 21).

Зачастую в газетных текстах исходная интертекстема претерпевает сужение смысла – проиллюстрируем данное положение примерами использования парафразы, цитаты и аппликации: *Через тернии – к папе. Имеют ли российские мужчины право быть отцами своих детей?* (Моск. комсомолец. 2007. № 47. С. 14); *До перемены участи ТВ, конечно, еще очень далеко. Хотя бы потому, что данные перемены некому осуществлять. Ситуация развивается по Блоку: **слопала поганая, гугнивая матушка-Русь, как чушка, своих поросят.** Сначала был съеден Максим Галкин, теперь настал черед Ивана Урганта* (Нов. газ. 2013. № 1. С. 24); *Но в одночасье куда-то все подевалось, исчезло, словно по мановению волшебной палочки. Популярность прошла как мимолетное виденье* (Моск. комсомолец. 2012. № 3. С. 25).

Переосмысление содержательных аспектов интертекстемы предопределяет варьирование компонентного состава прецедентного высказывания, ср. в парафразах: *Вопреки известной поговорке, спасение утопающих редко когда было делом самих утопающих. Ведь на помощь людям, терпящим бедствие на воде, приходили профессиональные спасатели, и соответствующей этой службе уже не один десяток лет* (Изв. 2010. № 61. С. 8); *К сожалению, все жалобы, в какие бы высокие инстанции ни направлял их Станислав Сомов, возвращаются, согласно порочной практике, к тем же чиновникам, на кого он жалуется. Полковника по-прежнему никто не слышит* (Совершенно секретно. 2008. № 9. С. 23). Подобное частичное совпадение интертекстемы классифицируется как уточнение.

К смысловой связи заимствующего текста и текста-источника по типу контрастирования, исходя из полученных данных, можно отнести 1038 примеров, что свидетельствует о том, что приспособление к новому контексту в публицистической речи чаще всего влечет трансформации интертекстемы. Ср.: *Нашел «КамАЗ» на камень. Российский экипаж сошел с трассы «Дакара» и выбыл из борьбы* (Совершенно секретно. 2008. № 7. С. 29); *Кулику с лопаткой не дают хвалить свое болото. Проблемой сокращения численности одного из самых необычных и загадочных пернатых – кулика-лопатня – озаботились отечественные экологи* (Моск. комсомолец. 2007. № 22. С. 2); *Масло*

ценами не испортишь (Аргументы и факты – Нижнее Поволжье. 2007. № 37. С. 7). *Готовим шины летом и ездим зимой* (Аргументы и факты – Нижнее Поволжье. 2007. № 37. С. 19); *Служил бы год, а 2,8 – тошно. Кому носить сапоги и кто имеет право на отсрочку* (Аргументы и факты. 2008. № 41. С. 14); *Секреты исчезают в юбилей* (Аргументы и факты. 2008. № 41. С. 39); *Деньги подземелья. В Москве начались слушания по иску «потребители против подземки»* (Изв. 2010. № 150. С. 7). Во всех приведенных примерах наблюдаются существенные структурные и семантические отличия от текста-источника. Своеобразие данного типа смысловой связи обуславливает доминирующий в подобных случаях способ речевого выражения – парафраз и аллюзию.

Говоря о приеме использования фрагментов прецедентных текстов в публицистике, в особенности выделяя обыгрывание интертекстемы по типу контрастирования, нельзя не отметить парадоксальные особенности межтекстового взаимодействия. Обращение к категории интертекстуальности нередко приводит к тому, что трансформированные цитаты известных текстов могут стать своеобразными публицистическими штампами [2]. Развивая высказанные ранее предположения, добавим, что подобные речевые средства, наглядно иллюстрирующие две векторные тенденции, действующие в сфере публицистики, – тенденцию к экспрессии и тенденцию к стандарту – определяются нами как элокутивные константы публицистического дискурса. Структурно-семантические трансформации прецедентных высказываний, демонстрируя игровую и креативную функции интертекстуальности, вместе с тем таят потенциальную опасность превращения в шаблонные средства элокуции.

Например, известная пушкинская фраза из повести «Капитанская дочка» *русский бунт, бессмысленный и беспощадный* получает разнообразные смысловые аранжировки: *Кому нужен московский бунт?; Все российское ЖКХ – это бизнес, бессмысленный и беспощадный; Бессмысленный и беспощадный русский праздник; киргизский бунт; французский бунт.* Заметим, что выражаемые эмотивно-оценочные смыслы в данном случае варьируются от трагических до иронично-шутливых, ср.: *Цель событий (предательство невесты, друга, односельчан, подбивших на неравную борьбу) буквально подталкивают его к срыву в одиночный бунт. Бессмысленный и беспощадный (не случайно и зовут нашего фермера Александр Сергеевич)* (Нов. газ. 2013. № 16. С. 20); *И с самого первого дня пребывания на*

острове я вел бессмысленные и беспощадные переговоры с Гавайской киностудией (Комс. правда. 2008. № 22. С. 52).

Приведем в связи с изложенным еще примеры интертекстуальных парадигм, широко представленных в газетных текстах последних лет. Так, пословица *Не так страшен черт, как его малюют* видоизменяется в *Не так страшен черт, как его малютки*; *Не так страшен кодекс (прокурор, стресс и т.п.)*, например: *Не так страшен ген, как его малюют?* (Моск. комсомолец. 2008. № 15. С. 9).

Интертекстуальные деривационные модели представлены и литературными цитатами: *Способен ли он отличить тех, кто реально работает на будущее России, от тех, кто «валит Ваньку», обещая «всем бабам по мужику» или «всё отнять и поделить»?* (Аргументы и факты. 2007. № 42. С. 8); *Взять да и поделить! Какие трудности сейчас взвалятся на государство, а какие на бизнес?* (Аргументы и факты. 2008. № 44. С. 9). Показателен в данном отношении следующий пример из интернационального корпуса прецедентных высказываний: *Финансовый кризис: учиться или не учиться? Вот в чем вопрос...* (Аргументы и факты – Нижнее Поволжье. 2009. № 8. С. 15); *Говорят ли строчки о самом поэте – вот в чем вопрос* (Моск. комсомолец. 2008. № 15. С. 45). По справедливому замечанию О.В. Фокиной, анализирующей интертекстуальную парадигму с ядерным компонентом – интертекстемой *To be or not to be: that is the question*, «в интертекстуальные связи вступают тексты актуальной тематики и яркой формы» [7, с. 46].

Вероятность возникновения целого ряда переосмыслений одних и тех же текстовых фрагментов-первоисточников обусловлена релевантным для массмедиальной сферы свойством прецедентных текстов: используемый в качестве опорного текст должен быть известен массовому адресату. Ориентация на массового адресата и вполне объяснимая установка на доступность и понятность нередко сопровождаются эксплуатацией интертекстуального минимума. Таким образом, отмечаемое в современных газетных текстах сужение диапазона востребованности прецедентных высказываний способствует тому, что фигуры интертекста – экспрессивные средства – в своих наиболее растиражированных речевых образцах становятся шаблонными, стандартными средствами.

На эту особенность необходимо обращать отдельное внимание и с лингводидактических позиций, в практике подготовки специалистов в области журналистики, рекламы, связей с общественностью и других видах дея-

тельности, непосредственно формирующих социокультурно-образовательное пространство [3]. Обозначение проблем, связанных с использованием фигур интертекста, и формирование у будущих специалистов представления о том, что интертекстуальность – «способ мышления, видения и отражения мира», «мостик, связывающий современность с культурным фондом нации» [6, с. 520–521], позволит грамотно раскрывать богатейший лингвокреативный потенциал приема использования фрагментов прецедентных текстов.

Литература

1. Бобровская Г.В. Своеобразие интертекстуальности в публицистической речи: культурные коды и эмоционально-оценочные смыслы // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. : Филол. науки. 2008. № 7(31). С. 4–7.
2. Бобровская Г.В. Интертекстуальность в текстах современных печатных СМИ: экспрессия стандарта? // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Сочи : СГУТиКД, 2007. Вып. 8. С. 15–21.
3. Ворожбитова А.А. Политический, массмедиа и психолого-прагматический типы дискурса: лингвориторическая динамика дискурсивных процессов-детерминант российского социокультурно-образовательного пространства XX – XXI вв. // Изв. Сочинского гос. ун-та. 2012. №3(21). С. 177–181.
4. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Волгоград : Перемена, 2005.
5. Солганик Г.Я. Свой текст – чужой текст // Словарь и культура русской речи: к 100-летию со дня рожд. С.И. Ожегова. М., 2001. С. 327–335.
6. Стилистика и литературное редактирование / под ред. В.И. Максимова. М. : Гардарики, 2004.
7. Фокина О.В. Источники интертекстуальных включений в языке современных газет. М. : МПГУ, Ярославль, 2008.

Figures of intertext in publicism: newspaper text vs source text, expression vs standard

The category of intertextuality is researched on the basis of the modern Russian newspaper publicism. There is revealed the linguocreative potential of the method of the use of fragments of precedent texts, described the types of semantic connection of the borrowing text and the source text. There are shown the paradoxical peculiarities of the intertextual interaction connected with the use of intertext figures as the elocutive constants of the publicistic discourse.

Key words: *newspaper text, figures of intertext, precedent text, publicism, elocution.*